

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека Всемирной Литературы

Серия основана издательством
ЭКМО в 2002 году

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

Финансист

Перевод с английского

Москва 2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
Д 72

THEODORE DREISER
THE FINANCIER

© Theodore Dreiser, 1940

Вступительная статья Л. Сумм

Перевод с английского М. Волосова

Оформление серии А. Бондаренко

Д 72 **Драйзер Т.**
Финансист : роман / Теодор Драйзер ; пер. с англ. М. Волосова ; вступ. ст. Л. Сумм. — М. : Издательство «Э», 2015. — 704 с. — (Библиотека всемирной литературы).

ISBN 978-5-699-36993-5

Американский романист Теодор Драйзер давно занял почетное место среди классиков мировой литературы. Тема большого бизнеса, людей, как преуспевших в нем, так и потерпевших фиаско, привлекала внимание Т. Драйзера еще в те годы, когда он занимался журналистикой.

Герой романа «Финансист» — Фрэнк Каупервуд — не только удачливый бизнесмен и владелец огромного состояния. Он обладает особым магнетизмом, сверхъестественной властью как над мужчинами, так и над женщинами. Богатство для него не цель, а средство, позволяющее Каупервуду жить, руководствуясь принципом «Мои желания прежде всего».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Вступительная статья. Л. Сумм, 2015
© Перевод. М. Волосов. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-36993-5

Содержание

ПО ТУ СТОРОНУ ЗВЕЗД.

Л. Сумм

7

ФИНАНСИСТ.

Перевод *М. Волосова*

31

ПО ТУ СТОРОНУ ЗВЕЗД

Чикагская обсерватория и сейчас носит имя человека, финансировавшего ее строительство, — Чарльза Т. Йеркса, он же Фрэнк Каупервуд, герой трилогии «Желание». В книге решение ценой в треть миллиона долларов принимается молниеносно, диалог с ректором укладывается буквально в две страницы. Вначале речь идет о довольно скромном взносе (8—10 тысяч, чикагские бизнесмены скидывались на оборудование для новорожденного университета), после нескольких реплик, за считанные минуты взвесив и свои возможности, и выгоды от такого решения, Фрэнк берет на себя не только покупку телескопа — 40 тысяч долларов, — но и строительство обсерватории, а это уже 300 с лишним тысяч.

Что побудило опытного, циничного дельца к подобным расходам? Расчет, говорит Драйзер. О щедрости магната протрубили все газеты, даже за океаном; ему обеспечены огромные кредиты, понадобившиеся на достраивание империи, конкуренты раздавлены, городские власти не смогут отказать благотворителю в концессии, и наконец-то линии чикагской надземки сойдутся в руках Каупервуда.

Осуществление мечты. Дороги, в особенности рельсовые — конка, позднее трамвай в городе, Северо-Пенсильванская или другая какая-нибудь железная дорога,

соединяющая город с деловыми и промышленными центрами, путь, прокладываемый с Восточного, давно освоенного побережья, через брызжащий энергией, кипящий иммигрантами Средний Запад на «территории», еще не ставшие штатами, — Нью-Мехико, Техас, — все эти американские дороги пробуждали в селф-мейд миллионерах трепет, сродни религиозному, и простодушную, ребяческую жадность, как блестящие, да к тому же работающие игрушки.

«Многого из того, что знаем мы и что позднее узнал Фрэнк, тогда еще не существовало — телеграфа, телефона, доставки товаров на дом, городской почтовой сети и океанских пароходов. Не было даже почтовых марок и заказных писем. Еще не появилась конка. В черте города курсировали бесчисленные омнибусы, а для дальних путешествий служила медленно развивавшаяся сеть железных дорог, все еще тесно связанная с судоходными каналами»¹. Так начинается Драйзер первую часть трилогии «Финансист», заражая читателя той страстью освоить, познать — даже физиологически — Америку, с какой пришло в мир поколение Йеркса.

В 30-е годы XIX века появилась в Североамериканских Соединенных Штатах новая поросль, со своей особенной физиономией, на многие годы, а может, и навсегда определившая в глазах мира образ Америки. Государство еще только складывалось, остро чувствовалась нехватка многих элементов общественной, упорядоченной жизни. Стихийные массы иммигрантов, разноплеменных и разноязыких, прихлынувшие к Восточному побережью Штатов, с трудом перемалываемые, перевариваемые в общем котле; еще один исход — неукротимое, стихийное движение к Запад-

¹ «Финансист». — *Пер. М. Волосова.*

ному побережью. Вестерн, где «смит-и-вессон» — закон, отчасти романтически преувеличивает, и все же значительная часть населения жила тогда в состоянии догосударственном, и догосударственность проявлялась не только в захвате чужих земель (отнимавшихся и у индейцев, и у Мексики, и у тех, кто имел несчастье поселиться в Америке раньше), но и в эдаком раннефеодальном укладе, в отсутствии хозяйственных связей, иерархии, общеобязательных норм. Западные и южные земли, заселявшиеся пришлыми и более-менее коренными американцами, проходили через период карантина, когда именовались не штатом, то бишь государством, а территорией. Конечно, в городах Восточного побережья, в Нью-Йорке, тем паче в Филадельфии и чинном Бостоне, сохранялась в том или ином виде европейская привычка порядочности и закона; выработалось нечто похожее (и вместе с тем непохожее) на феодальный строй в рабовладельческих штатах, но вокруг и внутри, в растущих без плана уродливых городах, бродила и бушевала та жизнь, о которой в Европе забыли с IX-X-XI столетия. Тогда, спустя века после падения Рима и окончательного разрушения империи, пробудилась энергия нового строительства, выплеснулась жестокой предприимчивостью, разбойничьими набегами. Европа строилась викингами-норманнами, угнездившимися на Сицилии, во французской Нормандии, в Англии, в Новгороде и Киеве. Начинали с набегов на длинных кораблях, резни и пожаров, насилия; во втором-третьем поколении крестились, закладывали города, той же сильной рукой гарантировали защиту и правосудие.

Быстро и беспринципно богатевших одногодков Каупервуда сравнивали порой с викингами, но устойчивее другое сравнение — *robber barons*, бароны-разбойники. Чуть более поздняя эпоха, никак не желаю-

щая принять устойчивую форму Германская империя, «рыцари», засевшие в замках над Рейном, каждый сам себе господин, грабящие путников и воюющие с соседями. Какое сравнение точнее? Размах у Йеркса, Моргана, Рокфеллера «викингский», одним замком и его окрестностями никогда бы не ограничились, и по сути, работа их скорее «норманнская» — строительство, пролагание путей (еще и отсюда такая любовь к железным дорогам и телеграфу). «Бароны-разбойники» — определение в первую очередь оценочное, осуждающее, хотя в нем есть своя точность: не сплоченная дружина викингов, а эгоистичные одиночки, не встреча двух культур, языческих мореплавателей и оседлого христианства, но бродило, из самого себя порождающее и языческую жажду наживы, и легкость принятия новых форм, и «староевропейскую» тягу к юридически упорядоченному обществу, гражданской личности.

В поколении 30-х годов (в том же 1837-м, что и Йеркс—Каупервуд, родился Джон Пирпонт Морган, самый знаменитый из викингов-разбойников) каждый сам себе и языческий вождь, и крестивший его епископ. Необходимость империи, иерархии эти бароны ощущали со всей остротой, пусть и удобнее быть разбойником в вакууме власти.

Специфику тех лет уловить очень трудно — как передать почти отсутствие, нащупывание, налаживание? Каких греческих или схоластических философов привлечь, чтобы описать переходную эпоху, когда все уже присутствует в потенции (не было бы представления о законах, этике, о системе денежного обращения, транспорте и культуре, не было бы потребности в них, так откуда бы им взяться?), но ничего еще нет в реальности. Показать становление едва ли возможно, однако стоит попытаться из нашего «после» нарисовать состояние «до». Именно это де-

ляет Драйзер в прологе «Финансиста», перечисляя вещи, которых «тогда еще не существовало». И обратим внимание, что все это не просто явления технического прогресса, а средства связи. Дороги, телеграф, почта. Деньги.

Деньги, понятное дело, основной сюжет трилогии «Желание». По способностям и призванию, по духу времени Фрэнк Каупервуд — делатель денег. Зачем эти деньги понадобились, какие именно желания могут они исполнить — об этом речь пойдет во второй и в третьей части саги. Тогда обнаружится власть денег, даст себя знать разбойничий барон или — подымай выше — купец-нобилъ, в духе Медичи, строящий замки и университеты, скупающий картины и женщин. В первом томе потребительская функция денег достаточно скромна — выстроил человек к сорока годам особняк на пару с отцом, завел приличный выезд. Не более чем уровень «хорошего среднего класса». Все деньги Финансиста не в личной собственности, а в движении, в сложнейших комбинациях, авантюрах, именно в делании денег. Деньги ради них самих, социальная игра, незримый, а потому таинственный и обожествляемый идолопоклонниками ток, реальный, как электрический ток в телеграфных проводах, и столь же необходимый для современного общества, для его функционирования в качестве единой системы.

«Вся денежная система Соединенных Штатов тогда еще только начинала переходить от состояния полного хаоса к состоянию, отдаленно напоминавшему порядок. Банк Соединенных Штатов, основанный Николасом Бидлом, в 1841 году был окончательно ликвидирован. В 1846 году Министерство финансов Соединенных Штатов организовало свою систему казначейств. И все же фиктивных банков существовало столько, что владелец небольшой меняльной конторы поневоле становился ходячим справочником пла-

тежеспособных и неплатежеспособных предприятий. Правда, мало-помалу положение улучшалось, так как телеграф облегчил не только обмен биржевой котировкой между Нью-Йорком, Бостоном и Филадельфией, но даже и связь между конторой местного биржевого маклера и фондовой биржей. Другими словами, в обиход начали входить частные телеграфные линии, действовавшие на коротком расстоянии. Взаимный обмен информацией стал более быстрым, доступным и совершенствовался день ото дня.

Железные дороги уже протянулись на юг, на восток, на север и на запад. Но еще не было автоматической регистрации курсов, не было телефона; в Нью-Йорке совсем недавно додумались до расчетной палаты, в Филадельфии она еще не была учреждена. Ее заменяли рассылные, метавшиеся между банками и биржевыми конторами; они же сводили балансы по банковским счетным книжкам, обменивали векселя и раз в неделю переправляли в банк золотую монету — единственное средство для окончательного расчета по задолженности, так как твердой валюты в те времена не существовало».

В этом тяжеловесном, но мощном, энергичном описании (стронулись с места каменные глыбы) каждое слово — попытка движения, усилие передать меняющуюся ситуацию, показать Америку такой, какой ее помнили родители Драйзера (его отец иммигрировал в Штаты из Германии в 1844 году), какой ее могли застать в своем детстве старики, в 1912 году читавшие «Финансиста». «Начинала переходить», «мало-помалу», «становился», «стал более быстрым», «начали входить», «уже — но еще», «совсем недавно — еще не была». Даже поклонники Драйзера (а их среди соотечественников было немало) признавали, что стиль писателя подчас неуклюж. «Тяжелая походка», говорил Шервуд Андерсон. Шаг пролагателя путей.

Все «бывшее» настолько отличалось от того, чем оно «стало», что реалистический роман звучит порой волшебной сказкой, эпосом или же учебником. В первых главах Драйзер плотно рисует исторический и экономический фон, и эти финансово-политические подробности могли бы стать невыносимо скучными, «как в учебнике» (разве что позабавит сопоставление «тогда у них» и «теперь у нас»), но в том-то и суть, что учебник преобразается в эпос, эпос ценится как учебник, поскольку речь идет об эпохе становления. Взять хотя бы Гомера: каждое сражение, «экшн», тормозится подробным изложением генеалогии противников или же описанием их оружия, а то и рассказом о том, как шлем, украшенный клыками кабана, передавался из одного царского дома в другой, покуда не прикрыл голову Одиссея, собравшегося в ночную разведку. И не только оружие — столь же выпукло обрисованы орудия ремесленника, характеры и манеры тогдашних людей, привычная пища, общественный уклад. Пейзаж выполнен в «Илиаде» так детально, что по этим указаниям Шлиман решился отыскать место, где была Троя: на таком-то расстоянии от моря, возле горячего и холодного источника, а рядом высокий курган. «По Гомеру» ученые XIX — XX веков восстанавливали быт, государственный строй, мифологию сразу двух эпох — описанной Гомером и той, в которую он жил; «по Гомеру» древнегреческие мальчики веками изучали риторику, мореходное и военное дело, географию. Все они — древнегреческие мальчики в большей степени, ученые Нового времени в меньшей — догадывались, что Гомер и выдумывает, и ошибается, и путает. Но другого источника, другого учебника не было и быть не могло.

Примерно так же обстоит дело и с Драйзером. Он ошибается, путает, преувеличивает, но откуда еще нам узнать о том сумасшедшем времени? Из учебни-

ков, написанных еще позже, из истории, которая за-
сушит подробности, остановит ход времени и подаст
становящееся как нечто статичное? Хотя великие
предшественники Драйзера, классики американской
литературы, застали эпоху позолоченного тельца
(Фенимор Купер и Вашингтон Ирвинг — зрелыми му-
жами, Эдгар По и Натаниэль Готорн — вступая в
творческую жизнь), в их книгах она преломляется
скорее настроением, аурой, недомолвками или даже
уходом от разговора, чем собственно приметами вре-
мени. Если сложить эти «недомолвки» и «настрое-
ния» — сагу Фенимора Купера, уводящего читателя в
девственные леса Нового Света, светские, старинные
сюжеты Ирвинга — то катание на льду в голландском
еще Нью-Йорке, то падение далекой Гранады в дале-
ком XV веке, — если добавить ужасы Эдгара (для ко-
торого опять-таки не составляет труда перенестись в
Париж, Испанию или Германию) и мрачного Готор-
на с его семейными преданиями, то получится весьма
выразительная картина — вернее, отсутствие тако-
вой. Там, где полагается быть современной этим ав-
торам Америке двадцатых-тридцатых-сороковых го-
дов, — пустота. Но «форму» этой пустоты мы угадать
можем по способам умолчания и уклонения — Евро-
па, вымышленные «другие страны» и «другие време-
на», сожаления о разрушившемся укладе, испорчен-
ность человеческой натуры, страх. Вакуум власти и
организованной общественной жизни, стремитель-
ные перемены, растерянность. Кто мог знать, что из
всего этого выйдет Северная Америка? Могли выйти
и Парагвай с Гондурасом.

Единственный из великих, кто решился писать о
современности, — Марк Твен. Единственный цепкий
к мелочам и реалиям взгляд, единственный, кто смел
смеяться. Три классических способа уловить время —
трагедия, уводящая к вечному прочь от того, что тво-

рится сейчас (но движением прочь указующая на то, от чего уводит); комедия, норовящая на текучем и подвижном материале оставить столь же текучий и подвижный отпечаток; эпос — он пишется спустя эпоху, но такова уж Америка и таков уж XIX век — эпоха сменилась за треть столетия. Эпос искажает реальность по-своему, но пора уж привыкнуть к тому, что только искаженная реальность и существует. Когда все это еще «было» и трепетало, Марк Твен мог поймать больше живых и выразительных деталей, вот только никто не знал, к чему все это ведет, какие детали действительно важны, как рассыпанные подробности сложатся в мозаику. Драйзер — знал. А потому его трилогии присущи и занудство эпоса, и невольное сожаление о прошлом (осуждай не осуждай баронов-разбойников, но это уже прошлое, и кратковечность наша внушает печаль), и сильные характеры (кто устоит перед Фрэнком Каупервудом? Кто устоит перед Ахиллом и Одиссеем? Хотя, с точки зрения обычной человеческой нравственности, многое можно сказать против любого из них). И главное, в его повествовании рассыпаны детали, не только «учебниковые», но вроде бы случайные, так, мимолетные подробности жизни, однако они-то и скажут нам больше всего.

Легкий флер сказочности вполне уместен, пока речь идет о детстве героя. Именно здесь, на первых страницах книги, возникают и обстоятельные «гомеровские» отступления — мифы, поиски первопричины, «начала» событий, — и гомеровски точно (гомеровски неточно) воспроизведенный предметный мир. Не забыто и пианино, выписанное из Европы. Одна лишь деталь, и мы вдруг отчетливо понимаем, что такое Америка — самая культурная, восточная ее часть, Новая Англия! — в тридцатые-сороковые годы